А.В. Табарев, Т.А. Гаврилина*

ТРАДИЦИЯ ПОГРЕБЕНИЙ В СОСУДАХ
В ОСТРОВНОЙ ЧАСТИ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ**

Традиция погребений в керамических сосудах – одна из эффектных и наиболее информативных погребальных традиций в древних культурах островной части Юго-Восточной Азии. Ее происхождение связано с периодом неолита (около 4000–3500 л.н.) и распространением на территории Филиппин, Индонезии и Малайзии технологии гончарства, которая представила альтернативу ранее существовавшим практикам погребения в плетеных циновках и контейнерах. Расцвет традиции приходится на рубеж эр («Металлический век»), а отдельные проявления продолжают сохраняться вплоть до колониальной эпохи и настоящего времени. В рамках традиции в островной части Юго-Восточной Азии по особенностям трупоположения, манипуляций с частями скелета и морфологии сосудов выделяется несколько «ареалов», а погребальный инвентарь демонстрирует тесные торгово-обменные контакты с соседними территориями континентальных частей Юго-Восточной и Восточной Азии.

Ключевые слова: Юго-Восточная Азия, неолит, металлический век, погребальная практика, сосуды

Jar burial tradition in the island Southeast Asia. ANDREY V. TABAREV (Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), TATIANA A. GAVRILINA (Novosibirsk State University)

The tradition of jar burials is among the most spectacular and most informative burial traditions in the ancient cultures of the island Southeast Asia. Its origin dates back to the Neolithic period (4000–3500 BP) and is connected to the spread of the pottery-making technology in the Philippines, Indonesia, and Malaysia, which provided an alternative to pre-existing burial practices making usage of organic containers and mats. The heyday of jar burial tradition falls on the turn of the eras («Metal Age»), while its single manifestations continued until the colonial period and even modern times. Several local variations of this tradition in island Southeast Asia can be identified based on the distinctive features of burial types, manipulations with skeleton parts,

* ТАБАРЕВ Андрей Владимирович, доктор исторических наук, заведующий сектором зарубежной археологии Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН.

E-mail: olmec@yandex.ru

ГАВРИЛИНА Татьяна Александровна, магистрант Гуманитарного института Новосибирского государственного университета.

E-mail: tanyaesler@gmail.com

© Табарев А.В., Гаврилина Т.А., 2019

** Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ. Проект № 18-09-00010.

Авторы искренне признательны профессору Б. Селлато (Французский национальный центр научных исследований, г. Париж, Франция), доктору Н. Куэвас (Национальный музей Филиппин, г. Манила, Филиппины) и к.и.н. С.В. Лаптеву (Музей Михо, г. Шигараки, Япония) за помощь с литературой, фотографиями и ценные комментарии по сюжетам данной работы.

and vessel morphology. In its turn, the burial goods demonstrate close trade-exchange connections with the neighboring territories of inland Southeast Asia and East Asia.

Keywords: Southeast Asia, Neolithic, Metal Age, burial practice, jar burials

Введение

Юго-Восточная Азия – обширный регион, связующее звено между Евразией и Океанией, Индийским и Тихим океанами. Географически она подразделяется на континентальную часть (Mainland Southeast Asia, MSEA), которая включает территории Камбоджи, Мьянмы, Лаоса, Таиланда, Вьетнама и Западной Малайзии, и островную (Island Southeast Asia, ISEA), к которой относятся Восточная Малайзия, Бруней, Сингапур, Филиппины, Индонезия и Восточный Тимор. Островную часть также называют Малайским архипелагом. Сам термин «Юго-Восточная Азия» (Southeast Asia) впервые появился в 1839 г. в книге американского пастора Говарда Малкольма «Путешествия в Юго-Восточной Азии» [25]. В исторической и научно-популярной литературе можно встретить вышедшие ныне из употребления названия отдельных частей Юго-Восточной Азии, которые отражают колониальную эпоху ее истории – Британская Малайя, Голландская Ост-Индия, Французский Индокитай и т. д.

Древняя история этого региона исключительно интересна и насыщена, а особенности ключевых событий культурогенеза (первоначальное заселение, появление земледелия, гончарства, металлургии и т. д.) представляют уникальную исследовательскую перспективу для антропологов и археологов. Одна из причин этих особенностей – тропический характер климата, растительности и животного мира: вся Юго-Восточная Азия расположена между тропиками Рака и Козерога, поэтому и сами археологические исследования отличаются «тропическими особенностями».

Археология континентальной части Юго-Восточной Азии известна российским специалистам в первую очередь по серии работ П.И. Борисовского, который в начале 1960-х гг. в ходе нескольких командировок производил раскопки памятников во Вьетнаме и обобщил практически весь доступный для того времени материал по каменному веку (палеолит-неолит) по региону в целом [2; 3]. Контакты российских и вьетнамских археологов продолжились в формате

обмена визитами и публикаций по материалам памятников палеолита [1], а с 2010 г. – в рамках совместной российско-вьетнамской археологической экспедиции под эгидой Института археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск) [4]. Островная же часть Юго-Восточной Азии традиционно представляла интерес исключительно в рамках проблем антропогенеза, среднего и позднего палеолита, тогда как последующие этапы (неолит, бронзовый и железный века) никогда не были объектами специального изучения, и до настоящего времени российские археологи на территории островной части Юго-Восточной Азии никогда не работали. Так, например, в книге О.Ю. Левтоновой «История Филиппин» неолиту Филиппинского архипелага отведено всего три абзаца, а материалам рубежа эр – два [6].

В последние годы наблюдается заметный рост интереса отечественных археологов ко всем периодам древней истории Юго-Восточной Азии. Это проявляется в активном участии в научных форумах на территории региона, в организации тематических проектов, а также в появлении целого ряда публикаций по проблематике неолита и палеометалла [7; 8].

Цель настоящей работы – системное изложение современного состояния изученности одной из наиболее ярких погребальных традиций в островной части Юго-Восточной Азии – «погребений в сосудах» (jar burials, urn burials) – и ее культурно-хронологическое соотнесение с аналогичными проявлениями ритуальной деятельности на соседних территориях.

Происхождение традиции, вопросы хронологии и периодизации

Общей археологической периодизации для всей Юго-Восточной Азии не существует, тем не менее, в силу очевидного влияния европейской школы, практически на всех территориях используются термины «палеолит» (ранний, средний поздний, финальный) и «неолит» (ранний, средний, поздний). При этом для континентальной части по набору признаков, локализации и хронологии выделяются отдельные

«археологические культуры», а для островной – только комплексы, группы памятников и, в единичных случаях, «традиции» [20].

С терминами, применяемыми для различных периодов эпохи металла, ситуация значительно сложнее – для континентальной части выделяются как «бронзовый» (Bronze Age), так и «железный» (Iron Age) века. Начало бронзового века определяется временем XI/X вв. до н. э., а железного – V/IV вв. до н. э. В островной же части Юго-Восточной Азии металлы (медь/бронза, железо/сталь, золото, серебро) появляются практически одновременно, поэтому в археологической литературе время рубежа III/II вв. до н. э. – V/VI вв. н. э. обозначается как «металлический век» (Metal Age) или даже «мульти-металлический век» (Multi-metallic Age).

В рамках этих периодизаций традиция погребений в керамических сосудах (урнах) впервые проявляется для островной части (Филиппины, Индонезия, островная Малайзия) в позднем неолите, ее расцвет приходится на металлический век, а отдельные элементы сохраняются вплоть до настоящего времени (Рис. 1).

Относительно происхождения традиции погребений в сосудах в Юго-Восточной Азии в целом существует несколько версий: одни исследователи связывают ее с практикой погребения детей и новорожденных, известной по неолитическим памятникам на юго-востоке Китая и на Тайване, и привнесенной на территорию островной части вместе с австронезийской миграцией около 4 тыс. л.н.; другие указывают на ее достаточно ранее проявление как в континентальной, так и в островной частях, и возможность местного генезиса; третьи делают акцент на том, что традиция не обязательно могла распространяться в ходе миграций, а, скорее, в формате культурных контактов и обмена [12; 13; 14; 16; 30].

К наиболее ранним (неолитическим) находкам погребений в сосудах в островной части Юго-Восточной Азии специалисты относят следующие комплексы:

- четыре небольших сосуда с вторичными погребениями и следами охры в пещере Арку (северная часть о. Лусон, Филиппины) с датой 471 ± 80 (ISGS-495) л. до н. э.;

- отдельные части сосуда вперемешку с фрагментами человеческих костей без каких-либо сопровождающих артефактов в гроте Далан Серкот (северная часть о. Лусон, Филиппины),

которые датируются по радиоуглероду 1581 ± 34 (Wk-15648) л. до н. э. [16];

- в пещерах Табон (о. Палаван, Филиппины) – т. н. «Зал А» и «Зал В» [19]. В первом из них был обнаружен знаменитый погребальный сосуд «Манунгул». Его высота 66,5 см, максимальная ширина – 51 см, крышка сосуда увенчана скульптурной композицией, изображающей двух умерших, которые на ритуальной лодке перемещаются в мир мертвых. Ритуальную урну сопровождали изделия из нефрита, агата и раковин, а также несколько мелких керамических сосудов. Для этого комплекса имеются даты 891 ± 80 USLA-992A и 711 ± 80 USLA-992B л. до н. э.;

- 12 погребений у Западного входа пещеры Ниа (штат Саравак, Восточная Малайзия, о. Борнео). Они составляют лишь 10% от числа всех неолитических погребений, изученных для этого участка комплекса, и датируются в широком диапазоне 3200–2500 л. н. Сосуды варьируют по высоте (от 13 до 70 см), по сохранности (от целых до сильно фрагментированных), содержат кремнированные или частично сохранившиеся останки детей и взрослых, как индивидуальные, так и нескольких умерших (например, части скелетов 2 женщин и 3 детей в одном сосуде), отличаются крайне скудным инвентарем (кусочки охры, единичные украшения из раковин) [21];

- 13 одиночных погребений (по большей части частичных, без черепа) в сосудах на памятнике Пэйн Хака (восточная часть о. Флорес). Все, за исключением одного, сосуды представлены сферическими формами с красным ангобом, часть из них имеет прочерченный орнамент, в одном случае зафиксировано украшение верхней частью тулова сосуда аппликациями в виде человеческих лиц, в другом – изображением ящериц. В качестве сопроводительного материала найдены подпрямоугольные тесловидные орудия из камня и раковин, браслеты, бусы и подвески из раковин, шип морского ската. Изделия из металла в комплексе отсутствуют, радиоуглеродные датировки определяют возраст некрополя в пределах 3000–2100 л.н. [22].

В континентальной части Юго-Восточной Азии наиболее ранние проявления погребений в сосудах известны для культуры сахюинь (Центральный и Южный Вьетнам) (2500–1800 л.н.), а точнее на начальном этапе этой культуры, которую в литературе предварительно определяют как «пре-сахюинь» и датируют 2900–2500 л.н. В первую очередь речь идет о комплексах на

Рис. 1. Островная часть Юго-Восточной Азии.

Наиболее важные памятники с погребениями в сосудах, упомянутые в статье:

1. Дипнай Супуан (о-ва Батанес); 2. Арку, Далан-Серкот, Нагсабаран (северная часть о. Лусон);
3. Сан-Нарцисо; 4. Бато; 5. Каланай; 6. Масухот (о. Негрос); 7. Табон (о. Палаван);
8. Аюб, Сагель, Семинохо (о. Минданао); 9. Асин; 10. Ниа, Келабит (о. Борнео);
11. Пусу Саманг Тас, Пусу Лумут, Хагон Байло; 12. Леанг Буидане (о. Талуд);
13. Долина Бада (о. Сулавеси); 14. Саббанг Лоанг; 15. Букит Пантараан; 16. Гуа Лампетиа;
17. Тайле-Тайле; 18. Уаттамди (Молуккские о-ва); 19. Пэйн Хака (о. Флорес); 20. Мелоло (о. Сумба);
21. Гилиманук, Пакунг (о. Бали); 22. Плаванган (о. Ява); 23. Аньер Лор; 24. Педанг Сепан (о. Суматра);
25. Лебанг Бандунг; 26. памятники культуры сахюинь (Вьетнам)

небольших островах Ку Лао Чам (провинция Куанг Нам) и Лу Сон (провинция Куанг Нгай) в прибрежной части Вьетнама. Так, на памятнике Ксом Ок (о. Лу Сон) были выделены два культурных горизонта, в нижнем из которых погребения в небольших раскрашенных черной и красной красками сосудах датируются возрастом 2900–2850 л.н. [24].

Памятники с погребениями в сосудах на территории Филиппин, Индонезии и Малайзии

Как уже упоминалось выше, наибольшее распространение и разнообразие традиция погребений в сосудах демонстрирует начиная с III в. до н. э. в рамках металлического века.

На островах Филиппинского архипелага эта традиция сохраняется вплоть до колониального времени, а в ряде случаев и до современности. Если же говорить о наиболее ярких и информативных комплексах рубежа эр, то они присутствуют на всей территории архипелага – от островов Батанес на севере до островов Сулу на юге [31].

Так, например, небольшой, но исключительно интересный памятник Дипнай Супуан с погребениями в сосудах был раскопан на о. Итбят (Батанес). Он представлен всего двумя погребальными контейнерами, закопанными на глубину около 120 см. Каждый состоит из двух вертикально поставленных сосудов с широкой горловиной – в первом случае высо-

та нижнего 60 см, а верхнего 61,3 см; во втором – нижнего 57,3 см и верхнего – 60 см. Верхние сосуды перевернуты вверх дном и служат крышкой. Оба контейнера содержат одиночные первичные погребения. Для погребения во втором контейнере выполнено предварительное антропологическое определение – мужчина, примерно 25–26 лет, ростом 173–174 см [18]. Подобная конструкция с двумя соединенными горловинами сосудами является весьма редкой для Филиппин, ее аналоги отмечены в северном направлении – на Тайване, а также в южной части Японского архипелага (Кюсю), где они сопровождают культуру яёй (III в. до н. э. – III в. н. э.) [23]. Еще более ранние проявления практики погребений в сосудах известны в среднем и позднем периодах эпохи дзёмон (5000–2300 л.н.) [5].

В центральной части Филиппинского архипелага (о-ва Лусон, Масбате, Негрос, Себу) раскопки комплексов с погребениями в сосудах производились начиная с 1950-х гг. К числу наиболее известных памятников относятся Нагсабаран, Сан-Нарцисо, Магсухот, пещеры Бато и Каланай.

На памятнике Нагсабаран (Северный Лусон), который датируется временем около 2000 л.н., была отмечена интереснейшая деталь погребального обряда – отделение черепа от скелета (по-

гребение в скорченном положении) и помещение его в небольшой керамический сосуд [16].

В Сан-Нарцисо У. Солхейм выделил две разновидности погребений: первичные погребения в крупных круглодонных цилиндрических сосудах и вторичные погребения (преимущественно детские) в небольших сосудах сферической формы. В качестве сопроводительного инвентаря отмечены наконечники из железа, стеклянные бусины и браслеты [27]. Находки в пещере Каланай, в свою очередь, позволили У. Солхейму предложить версию о существовании на рубеже эр т. н. «Керамического комплекса Каланай» (или «Сахюинь-Каланай»), памятники которого зафиксированы как на Филиппинах, так и в прибрежной части Вьетнама [28; 29].

Памятник Магсухот (южная часть о-ва Негрос) исследовался в 1974–1975 гг. Его материалы иллюстрируют иной вариант погребальной традиции. На памятнике присутствуют простые и два «сложных» погребальных комплекса. В одном из них на вымощенной плоскими фрагментами керамики площадке 2 x 1 м были расположены три крупных погребальных сосуда (пустых!) (Рис. 2), которые сопровождались целым ансамблем из более чем 80 мелких керамических сосудов, антропоморфных и зооморфных скульптурок, дополнительным погребением женщины и двух детей, а также одиночным

Рис. 2. Комплекс погребальных урн на памятнике Магсухот (остров Негрос)
(адаптировано по: [32, p. 139, fig. 2])

каменным блоком весом около 500 кг [32]. Назначение этого «мегалита» загадочно, часть археологов склоняется к версии о том, что он мог использоваться как «скамейка у погребения». Не менее важно и то, что в сложных погребениях прослеживается два уровня инвентаря: непосредственно вокруг погребальных сосудов и поверх тонкого, перекрывающего погребальные сосуды слоя. Что же касается простых комплексов, то они выполнялись в один уровень и сопровождалась более скромным набором инвентаря – не более 25–30 мелких сосудов.

Исключительно разнообразны проявления традиции погребений в сосудах на территории южной части Филиппин (о. Минданао) – так, в пещере Асин обнаружено около 20 больших погребальных сосудов, в которых были помещены черепа и части скелетов, которые сопровождалась комплексом из более чем 80 мелких сосудов и мисок; в пещерах Аюб и Семинохо погребальные сосуды выполнены в исключительно оригинальной антропоморфной модификации с фигурными крышками и богатым сопроводительным инвентарем. Примечательно также, что в соседней пещере Сагель, относящейся к тому же времени, антропоморфных погребальных сосудов нет. Кроме того, если в Аюб преобладают групповые погребения, то в Сагель – исключительно одиночные [17]. Все это указывает на вариативность деталей погребального обряда в рамках единой традиции.

Первые сведения о находках погребений в урнах (керамических или каменных) на территории Индонезии относятся еще к концу XIX – началу XX вв. Наиболее яркие из них (такие как Мелоло на о. Сумба, Тайле-Тайле и Бада на о. Сулавеси) скрупулезно перечислил Х.Р. ван Гекекен в своей работе «Бронзовый-железный век Индонезии» [35].

На сегодняшний день разновременные (от рубежа эр до XIV–XV вв.) комплексы с погребениями в сосудах известны практически на всех индонезийских островах – Суматре, Яве, Бали, Сулавеси, Флоресе, Сумбе и даже на Молуккских островах [15; 16; 26]. В последнем случае речь идет о памятнике Уатамди (грот Уатамди), где были найдены два погребальных сосуда с черепами в сопровождении стеклянных бусин и фрагментов железных и бронзовых изделий, которые датируются первыми веками нашей эры.

Памятник Мелоло (о. Сумба) представляет собой «поле погребальных урн», на котором

найден несколько сотен больших сосудов сферической формы с крышками, в которых, как правило, находились лишь черепа или – реже – черепа с добавлением нескольких длинных костей. Среди сопроводительных материалов (украшения из раковин, каменные топорики, бусы, керамические пряслица, изделия из стекла и бронзы) особо выделяется серия сосудов (тип *kendi*) в форме фляжек или чайников с рельефными или прочерченными контурами человеческих лиц (Рис. 3). Учитывая присутствие аналогичных изделий в комплексах на других индонезийских островах (Ява, Флорес, Ломбок и др.), специалисты рассматривают их в качестве надежного хронологического маркера для периода металла.

На территории о-ва Сулавеси наиболее интересные находки связаны с памятниками Букит Пантараан (три сосуда, украшения из железа, бронзы, золота, стекла и полированного камня), Саббанг Лоанг (комплекс из 12 сосудов), а также грот Гуа Лампетиа (крупный сосуд высотой более 60 см с крышкой и останками пяти взрослых и одного подростка). Для сосуда и крышки имеются термолюминесцентные даты: 1140 ± 60 г. н. э. и 1050 ± 120 г. н. э. соответственно [16].

В случае с островом Бали чаще всего упоминают два памятника – Пакунг и Гилиманук. На первом прослежена интересная практика срезания верхней части сосуда для того, чтобы уложить там части скелета ребенка и череп взрослого. После этого сосуд был закрыт плоской керамической крышкой. Памятник датируется рубежом эр. Особенностью комплекса Гилиманук является то, что в погребальных сосудах находились останки лишь младенцев, детей и подростков, следов погребения взрослых не зафиксировано. Кроме того, здесь отмечены погребения в двух сосудах, соединенных горловинами, в сопровождении еще одного погребения (под сосудами), характер которого указывает на ритуальное жертвоприношение [9].

Комплекс Аьер Лор на острове Ява известен благодаря одному из самых крупных (76 см высотой) погребальных сосудов, в котором находилось одно частичное и одно вторичное погребение взрослых, а также бусы из карнеола. Там же, на Суматре, на памятнике Плаванган найдена целая серия погребальных сосудов цилиндрической формы (22–60 см высотой и до 90 см в обхвате). Одно из погребений находилось в керамической емкости, состоящей из двух сосудов. Все погребения вторичные, сопровожда-

ются изделиями из стекла, карнеола, бронзы и железа. В южной части одного из самых крупных островов – о. Суматра – зафиксировано полтора десятка комплексов с погребениями в сосудах (Лебанг Бандунг, Педанг Сепан и др.), все они датируются в диапазоне от VI/VII до XV вв. н. э. По мнению ряда исследователей,

это совпадает со временем распространения на территории Суматры традиции возведения различных мегалитических сооружений [16].

И, наконец, на малазийской части острова Борнео (Калимантан), кроме уже упоминавшегося раннего комплекса в пещере Ниа, погребения в сосудах известны на памятниках Хагоп

Рис. 3. Памятник Мелоло (о. Сумба). 1. Сосуды с антропоморфной символикой; 2. Положение скелета и элементов погребального инвентаря (фляга «кенди») [35, fig. 24–25]

Байло (V–IX вв. н. э.), Пусу Лумут (X–XV вв. н. э.) и Пусу Саманг Тас (XI в. н. э.) [12].

В современной археологической литературе весь массив памятников с погребениями в сосудах в островной части Юго-Восточной Азии в целях упорядочивания часто группируют по «ареалам». Всего на территории Филиппин, Индонезии и Малайзии по особенностям погребальных комплексов (морфология сосудов, их расположение, инвентарь, датировки) выделяются 14 таких ареалов. Их размеры варьируются от нескольких островков (например, острова Батанес на севере от Филиппин) или группы памятников (комплекс Ниа на о. Борнео) до обширных территорий (вся внутренняя часть о. Борнео, восточная часть о. Суматра, о. Ява и о. Бали). В случае с островом Сулавеси ситуация еще более сложная – на его территории выделены четыре частично перекрывающихся друг друга ареала. Безусловно, это лишь временная, рабочая схема, отражающая нынешнее состояние изученности.

Традиция погребений в сосудах прослеживается по целой серии памятников рубежа эр как в континентальной части Юго-Восточной Азии (Вьетнам, Лаос, Таиланд), так и на соседних территориях Южной и Восточной Азии (Индия, Шри Ланка, Китай, Корейский полуостров, Японский архипелаг). Исключительно важной чертой этого регионального феномена является не столько внешнее сходство, сколько свидетельство активных торгово-обменных связей и контактов, которое прослеживается по многочисленным элементам погребального инвентаря – бусам (из стекла, халцедона, карнеола, агата, оникса и нефрита), изделиям из раковин (браслеты, подвески, тесла), украшениям и элементам вооружения из железа и бронзы.

Наиболее удаленные проявления традиции погребения в сосудах известны на сегодняшний день на островах Вануату (Меланезия). Исследования на памятнике Теума (о. Эфате), которые производились там с 2004 г., принесли сенсационные результаты – на площади около 400 кв. м было раскопано 68 погребальных комплексов, в которых зафиксированы останки более чем 80 индивидуумов (Рис. 4: 1). Все они принадлежат носителям культуры лапита, визитной карточкой которой является керамическая посуда с характерным орнаментом, нанесенным зубчатым штампом. В некрополе Теума преобладают вторичные и частичные погребения, присутствует также и обряд кремации [11]. Как минимум

три погребения относятся к типу погребений в сосудах: Погребение № 17 (фрагменты костей женского черепа в богато орнаментированном сосуде с крышкой и перстнем из раковины в качестве сопроводительного инвентаря) (Рис. 4: 2–3); Погребение № 22 (вторичное захоронение частей скелета подростка в сосуде, венчик которого украшен фигурками птиц) и Погребение № 45 (вторичное захоронение частей скелета взрослого мужчины в вертикально поставленном сосуде со сложной орнаментацией). Примечательно, что все погребения в сосудах были расположены вместе с другими погребениями, а не локализованы на каком-то специальном участке вне пределов основной площади некрополя [33; 34].

Представительная серия радиоуглеродных датировок указывает на то, что наиболее ранние погребения могли появиться на памятнике в диапазоне 3110–2930 л.н., а самые поздние – 27070–2710 л.н. В любом случае, погребения в сосудах на о. Эфате иллюстрируют одно из самых ранних проявлений этой традиции в Пасифике и подтверждает версию о том, что зарождение (около 4,5–4 тыс. л.н.) культуры лапита может быть связано с юго-восточным побережьем Китая и о. Тайвань, откуда она достаточно динамично распространяется на северную часть Филиппинского архипелага (о. Лусон), на Марианские острова и далее – в Меланезию и Полинезию.

Заключение

Таким образом, погребения в сосудах представляют одну из многочисленных погребальных традиций, существовавших на территории островной и континентальной частей Юго-Восточной Азии в древности и сохранившуюся в виде отдельных элементов и ритуалов до настоящего времени. Благодаря хорошей сохранности керамических сосудов (погребальных контейнеров, урн) у специалистов появляется больше возможностей для изучения деталей погребального обряда и содержания сопровождающего инвентаря.

Эта традиция, с одной стороны, имеет явное «неолитическое» происхождение, связанное с появлением и развитием на территории Юго-Восточной Азии технологии гончарства и введением в культурный контекст разнообразных емкостей из обожженной глины, обладавших прочностью, долговечностью и возможностями реализации самых разных декоративных

замыслов [10]. С другой стороны, следует согласиться с теми исследователями, которые указывают на связь практики погребения в сосудах с существовавшей ранее «донеолитической» (или «докерамической») традицией первичных, вторичных и частичных погребений, которые

были упакованы в плетеные циновки, корзины или иные емкости.

Разделение погребений в сосудах на ранние (неолитические) и поздние (век металлов) производится как на основе радиоуглеродных датировок, так и по наличию/отсутствию изделий

1

2

3

Рис. 4. Некрополь Теума (о. Эфате, Вануату). Погребальный сосуд (Погребение № 22), украшенный изображениями птиц [11, p. 13, fig. 3]

из бронзы или железа. Однако на практике исследователи часто сталкиваются с тем, что в одном и том же комплексе (слое, горизонте) могут быть погребения как в сопровождении металлических изделий, так и без них. Встречается и другая ситуация, когда в погребениях с датами, которые относят комплекс к веку металла, металлических изделий нет.

На обширной территории островной и континентальной частей Юго-Восточной Азии у погребальных комплексов в сосудах есть как сходные черты, так и явные различия. К сходствам относятся закономерности локализации (как правило, в прибрежных зонах), намеренное расширение горловин сосудов, а также обязательное присутствие сопровождающего погребального инвентаря (керамика, камень, металл, стекло). В то же время, различий гораздо больше – первичный или вторичный тип погребений; форма и размеры сосудов; использование крышки или ее отсутствие; одиночный, парный или групповой (некрополи), а также разовый или разновременный характер комплекса и т. д. Эти различия и позволяют специалистам интерпретировать погребения в сосудах в рамках отдельных «культур», «ареалов» или «традиций».

В качестве материала для погребальных урн чаще всего использовалась керамика, есть единичные (в силу разрушительной для органики кислотности тропических почв) случаи нахождения деревянных контейнеров. Как самостоятельное направление этой традиции следует рассматривать изготовление каменных сосудов – от небольших (высотой до 30–35 см) до «мегалитических» высотой до двух метров и весом в несколько тонн («Долина Бада» на острове Сулавеси, «Долина погребальных сосудов» в Лаосе и т. д.).

У погребений в сосудах вообще существует явная связь с мегалитами, на это обращали внимание еще археологи середины XX в. Так, Х. ван Геекерен писал: «...Интересно отметить, что урны чаще всего были найдены вблизи мегалитов, и идея о том, что эти два культурных элемента могут быть связаны друг с другом представляется резонансной...» [35, р. 80]. Эта связь проявляется и в другой форме – на целом ряде памятников в островной части Юго-Восточной Азии (например, комплекс Магсукот на о. Негрос, Филиппины) рядом с погребальными урнами встречены отдельные крупные блоки известняка или базальта.

Не менее интригующую перспективу представляет разработка сюжета об антропоморфных погребальных сосудах или антропоморфных элементах в орнаментике или украшении сосудов, которая прослеживается от прибрежных районов Юго-Восточного Китая до Океании. Это может быть связано как с весьма древними мифологическими образами австронезийского пласта, так и с проявлениями оригинальных локальных погребальных практик и ритуалов (например, на Филиппинах). Исключительно интересным, на наш взгляд, является и обращение к максимально широкому кругу аналогий в пределах тихоокеанского бассейна – это и погребения в культурах неолита – бронзового века в прибрежной части Вьетнама, и многочисленные данные о погребениях в сосудах в среднем и позднем дзёмоне Японского архипелага, и свидетельства ритуальной практики в Меланезии и Полинезии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анисюткин Н.К., Тимофеев В.И. Каменные изделия из пещеры Тхамкуэн на севере Вьетнама // Археологические вести. 2004. № 11. С. 13–21.
2. Борисковский П.И. Первобытное прошлое Вьетнама. М.-Л.: Наука, 1966.
3. Борисковский П.И. Древний каменный век Южной и Юго-Восточной Азии. Л.: Наука, 1971.
4. Деревянко А.П., Шу Н.Х., Цыбанков А.А., Дой Н.З. Возникновение бифасиальной индустрии в Восточной и Юго-Восточной Азии. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016.
5. Иванова Д.А., Попов А.Н., Табарев А.В. Вторичные погребения в глиняных сосудах в культуре дзёмон на территории Северной Японии // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2013. Вып. 12. № 5. С. 146–156.
6. Левтонова Ю.О. История Филиппин. Краткий очерк. М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1979.
7. Табарев А.В., Иванова Д.А., Патрушева А.Е. Древние культуры Филиппинского архипелага: ключевые сюжеты и проблематика исследований // Гуманитарные науки в Сибири. 2017. № 2. С. 54–57.
8. Табарев А.В., Патрушева А.Е. Неолит островной части Юго-Восточной Азии: особенности, гипотезы, дискуссии // Теория и практика археологических исследований. 2018. № 1. С. 165–179.

9. Aziz, F.A., 2012. Archaeology-demography studies at Gilimanuk site (Bali). In: Sedyawati, E. and Ardika, I.W. eds., 2012. Recent studies in Indonesian archaeology. Delhi: B.R. Publishing Corporation, pp. 17–48.
10. Barker, G. and Richards, M., 2013. Foraging-farming transitions in island Southeast Asia. *Journal of Archaeological Method and Theory*, Vol. 20, no. 2, pp. 256–280.
11. Bedford, S., Spriggs, M., Regenvanu, R., Macgregor, C., Kuautonga, T. and Sietz, M., 2007. The excavation, conservation and reconstruction of Lapita burial pots from the Teouma Site, Efate, Central Vanuatu. *Terra Australis*, Vol. 26, pp. 223–240.
12. Bellwood, P., 1997. Prehistory of the Indo-Malaysian archipelago. Honolulu: University of Hawaii Press.
13. Bellwood, P., 2017. First islanders: prehistory and human migration in island Southeast Asia. Victoria: Wiley-Blackwell.
14. Beyer, H.O., 1947. Outline review of Philippine Archaeology by islands and provinces. Manila: Bureau of Printing.
15. Bintarti, D.D., 2000. More on urn burials in Indonesia. *Bulletin of the Indo-Pacific Prehistory Association*, Vol. 19, pp. 73–77.
16. Bulbeck, D., 2017. Traditions of jars as mortuary containers in the Indo-Malaysian archipelago. *Terra Australis*, Vol. 45, pp. 141–164.
17. Cuevas, N. and de Leon, A., 2008. Archaeological investigation of Sagel Cave at Maitum, Sarangani Province, Southern Mindanao, Philippines. *Hukay*, Vol. 13, pp. 1–24.
18. Faylona, M.G., 2003. The Dipnay Supuan jar burials in Batanes. *Philippine Quarterly of Culture and Society*, Vol. 1, no. 1/2, pp. 119–129.
19. Fox, R.B., 1970. The Tabon Caves: archaeological explorations and excavations on Palawan Island, Philippines. Manila: National Museum of the Philippines.
20. Handbook of East and Southeast Asian Archaeology. New York: Springer-Verlag, 2017.
21. Harisson, T., 1974. Early «jar burials» in Borneo and elsewhere. *Asian Perspectives*, Vol. 17, no. 2, pp. 141–144.
22. Galipaud, J.-C., Kinaston, R., Halcrow, S., Foster, A., Harris, N., Simanjuntak, T., Javelle, J. and Buckley, H., 2016. The Pain Haka burial ground on Flores: Indonesian evidence for a shared Neolithic belief system in Southeast Asia. *Antiquity*, Vol. 90, no. 354, pp. 1505–1521.
23. Kaneko, E.A., 1966. Review of Yayoi period burial practices. *Asian Perspectives*, Vol. 9, pp. 1–26.
24. Lam, T.M.D., 2009. Sa Huynh regional and inter-regional interactions in the Thu Bon Valley, Quang Nam Province, Central Vietnam. *Bulletin of Indo-Pacific Prehistory Association*, Vol. 29, pp. 68–75.
25. Malcolm, H., 1839. Travels in South-Eastern Asia: embracing Hindustan, Malaya, Siam, and China; with notices of numerous missionary stations, and a full account of the Burman empire. Boston: Gould, Kendall and Lincoln.
26. Ono, R. et al., 2017. The development of pottery making traditions and maritime networks during the Early Metal Age in Northern Maluku Islands. *AMERTA*, Vol. 35, no. 2, pp. 109–122.
27. Solheim, W.G., 1951. Archaeological fieldwork in San Narciso, Tayabas. *University of Manila Journal of East Asiatic Studies*, Vol. 1, no. 1, pp. 72–76.
28. Solheim, W.G., 1957. The Kalanay pottery complex in the Philippines. *Artibus Asiae*, Vol. 20, no. 4, pp. 279–288.
29. Solheim, W.G., 1964. Further relationships of the Sa-Huynh-Kalanay pottery tradition. *Asian Perspectives*, Vol. 8, no. 1, pp. 196–211.
30. Solheim, W.G., 1970. Prehistoric archaeology in eastern mainland Southeast Asia and the Philippines. *Asian Perspectives*, Vol. 13, pp. 47–58.
31. Stamps, R., 1980. Jar burials from the Lobusbussan site, Orchid (Botel Tobago) Island. *Asian Perspectives*, Vol. 23, no. 2, pp. 181–192.
32. Tenazas, R.C.P., 1974. A progress report on the Magsuhot excavations in Bacong, Negros Oriental, summer 1974. *Philippine Quarterly of Culture and Society*, Vol. 2, no. 3, pp. 133–155.
33. Valentin, F., Bedford, S., Buckley, H. and Spriggs, M., 2010. Lapita burial practices: evidence for complex body and bone treatment at the Teouma cemetery, Vanuatu, Southwest Pacific. *Journal of Island and Coastal Archaeology*, Vol. 5, no. 2, pp. 212–235.
34. Valentin, F., Choi, J.-I., Lin, H., Bedford, S. and Spriggs, M., 2015. Three-thousand-year-old jar-burials at the Teouma cemetery (Vanuatu): a Southeast Asian–Lapita connection? In: Sand, C., Chiu, S. and Hogg, N. eds., 2015. The Lapita cultural complex in time and space: expansion routes, chronologies and typologies. Noumea: Institut d'archéologie de la Nouvelle-Calédonie et du Pacifique, pp. 81–101.
35. Van Heekeren, H.R., 1958. The Bronze-Iron Age of Indonesia. The Hague: M. Nijhoff.

RERERENCES

1. Anisyutkin, N.K. and Timofeev, V.I., 2004. Kamennye izdeliya iz peshchery Tkhamkuen na severe V'etnama [Stone artifacts from Thamkuen

cave in Northern Vietnam], *Arkheologicheskie vesti*, no. 11, pp. 13–21. (in Russ.)

2. Boriskovskii, P.I., 1966. *Pervobytnoe proshloe V'etnama* [The prehistory of Vietnam]. Moskva-Leningrad: Nauka. (in Russ.)

3. Boriskovskii, P.I., 1971. *Drevnii kamennii vek Yuzhnoi i Yugo-Vostochnoi Azii* [Old Stone Age of Southern and Southeast Asia]. Leningrad: Nauka. (in Russ.)

4. Derevyanko, A.P., Shu, N.Kh., Tsybankov, A.A. and Doi, N.Z., 2016. *Vozniknovenie bifasial'noi industrii v Vostochnoi i Yugo-Vostochnoi Azii* [The origin of bifacial industry in Eastern and Southeast Asia]. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN. (in Russ.)

5. Ivanova, D.A., Popov, A.N. and Tabarev, A.V., 2013. *Vtorichnye pogrebeniya v glinyanykh sosudakh v kul'ture dzyomon na territorii Severnoi Yaponii* [Secondary burials in clay vessels in Jomon culture, Northern Japan], *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*, Vol. 12, no. 5, pp. 146–156. (in Russ.)

6. Levtonova, Yu.O., 1979. *Istoriya Filippin. Kratkii ocherk* [History of the Philippines: a short overview]. Moskva: Nauka. (in Russ.)

7. Tabarev, A.V., Ivanova, D.A. and Patrusheva, A.E., 2017. *Drevnie kul'tury Filippinskogo arkipelaga: klyuchevye syuzhety i problematika issledovaniy* [Ancient cultures of the Philippine archipelago: key research topics and issues], *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, no. 2, pp. 54–57. (in Russ.)

8. Tabarev, A.V. and Patrusheva, A.E., 2018. *Neolit ostrovnoi chasti Yugo-Vostochnoi Azii: osobennosti, gipotezy, diskussii* [The Neolithic of the island Southeast Asia: peculiarities, hypothesis, and discussions], *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy*, no. 1, pp. 165–179. (in Russ.)

9. Aziz, F.A., 2012. *Archaeology-demography studies at Gilimanuk site (Bali)*. In: Sedyawati, E. and Ardika, I.W. eds., 2012. *Recent studies in Indonesian archaeology*. Delhi: B.R. Publishing Corporation, pp. 17–48.

10. Barker, G. and Richards, M., 2013. *Foraging-farming transitions in island Southeast Asia*. *Journal of Archaeological Method and Theory*, Vol. 20, no. 2, pp. 256–280.

11. Bedford, S., Spriggs, M., Regenvanu, R., Macgregor, C., Kuautonga, T. and Sietz, M., 2007. *The excavation, conservation and reconstruction of Lapita burial pots from the Teouma Site, Efate, Central Vanuatu*. *Terra Australis*, Vol. 26, pp. 223–240.

12. Bellwood, P., 1997. *Prehistory of the Indo-Malaysian archipelago*. Honolulu: University of Hawaii Press.

13. Bellwood, P., 2017. *First islanders: prehistory and human migration in island Southeast Asia*. Victoria: Wiley-Blackwell.

14. Beyer, H.O., 1947. *Outline review of Philippine Archaeology by islands and provinces*. Manila: Bureau of Printing.

15. Bintarti, D.D., 2000. *More on urn burials in Indonesia*. *Bulletin of the Indo-Pacific Prehistory Association*, Vol. 19, pp. 73–77.

16. Bulbeck, D., 2017. *Traditions of jars as mortuary containers in the Indo-Malaysian archipelago*. *Terra Australis*, Vol. 45, pp. 141–164.

17. Cuevas, N. and de Leon, A., 2008. *Archaeological investigation of Sagel Cave at Maitum, Sarangani Province, Southern Mindanao, Philippines*. *Hukay*, Vol. 13, pp. 1–24.

18. Faylona, M.G., 2003. *The Dipnay Supuan jar burials in Batanes*. *Philippine Quarterly of Culture and Society*, Vol. 1, no. 1/2, pp. 119–129.

19. Fox, R.B., 1970. *The Tabon Caves: archaeological explorations and excavations on Palawan Island, Philippines*. Manila: National Museum of the Philippines.

20. *Handbook of East and Southeast Asian Archaeology*. New York: Springer-Verlag, 2017.

21. Harrison, T., 1974. *Early «jar burials» in Borneo and elsewhere*. *Asian Perspectives*, Vol. 17, no. 2, pp. 141–144.

22. Galipaud, J.-C., Kinaston, R., Halcrow, S., Foster, A., Harris, N., Simanjuntak, T., Javelle, J. and Buckley, H., 2016. *The Pain Haka burial ground on Flores: Indonesian evidence for a shared Neolithic belief system in Southeast Asia*. *Antiquity*, Vol. 90, no. 354, pp. 1505–1521.

23. Kaneko, E.A., 1966. *Review of Yayoi period burial practices*. *Asian Perspectives*, Vol. 9, pp. 1–26.

24. Lam, T.M.D., 2009. *Sa Huynh regional and inter-regional interactions in the Thu Bon Valley, Quang Nam Province, Central Vietnam*. *Bulletin of Indo-Pacific Prehistory Association*, Vol. 29, pp. 68–75.

25. Malcolm, H., 1839. *Travels in South-Eastern Asia: embracing Hindustan, Malaya, Siam, and China; with notices of numerous missionary stations, and a full account of the Burman empire*. Boston: Gould, Kendall and Lincoln.

26. Ono, R. et al., 2017. *The development of pottery making traditions and maritime networks during the Early Metal Age in Northern Maluku Islands*. *AMERTA*, Vol. 35, no. 2, pp. 109–122.

27. Solheim, W.G., 1951. Archaeological fieldwork in San Narciso, Tayabas. University of Manila Journal of East Asiatic Studies, Vol. 1, no. 1, pp. 72–76.
28. Solheim, W.G., 1957. The Kalanay pottery complex in the Philippines. *Artibus Asiae*, Vol. 20, no. 4, pp. 279–288.
29. Solheim, W.G., 1964. Further relationships of the Sa-Huynh-Kalanay pottery tradition. *Asian Perspectives*, Vol. 8, no. 1, pp. 196–211.
30. Solheim, W.G., 1970. Prehistoric archaeology in eastern mainland Southeast Asia and the Philippines. *Asian Perspectives*, Vol. 13, pp. 47–58.
31. Stamps, R., 1980. Jar burials from the Lobusbussan site, Orchid (Botel Tobago) Island. *Asian Perspectives*, Vol. 23, no. 2, pp. 181–192.
32. Tenazas, R.C.P., 1974. A progress report on the Magsuhot excavations in Bacong, Negros Oriental, summer 1974. *Philippine Quarterly of Culture and Society*, Vol. 2, no. 3, pp. 133–155.
33. Valentin, F., Bedford, S., Buckley, H. and Spriggs, M., 2010. Lapita burial practices: evidence for complex body and bone treatment at the Teouma cemetery, Vanuatu, Southwest Pacific. *Journal of Island and Coastal Archaeology*, Vol. 5, no. 2, pp. 212–235.
34. Valentin, F., Choi, J.-I., Lin, H., Bedford, S. and Spriggs, M., 2015. Three-thousand-year-old jar-burials at the Teouma cemetery (Vanuatu): a Southeast Asian–Lapita connection? In: Sand, C., Chiu, S. and Hogg, N. eds., 2015. *The Lapita cultural complex in time and space: expansion routes, chronologies and typologies*. Noumea: Institut d'archéologie de la Nouvelle-Calédonie et du Pacifique, pp. 81–101.
35. Van Heekeren, H.R., 1958. *The Bronze-Iron Age of Indonesia*. The Hague: M. Nijhoff.